НИЛ НЕВЕРОВ

НУЛЕВАЯ ФАЗА

Нил Неверов

Нулевая фаза

«Автор»
2026

Неверов Н.

Нулевая фаза / Н. Неверов — «Автор», 2026

Ноябрь 2026 года. Инженер Андрей Корнев обнаруживает расход электроэнергии на объекте, который давно отключён. Затем исчезает его друг — диспетчер Виктор Лапшин, тоже заметивший странные показания. След ведёт к закрытой лаборатории и аварии 1987 года. В архивах появляются противоречивые протоколы, на старых снимках — знакомые лица, а под чужим актом стоит подпись самого Корнева. Вместе со следователем и журналисткой Андрей пытается отделить подделку от невозможного. Но чем больше фактов удаётся проверить, тем меньше он доверяет собственной памяти. И тем опаснее становится вопрос: кто находится в восьмой комнате?

© Неверов Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть I 12
Глава 1 12
Глава 2 18
Глава 3 27
Глава 4 31
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Нил Неверов
Нулевая фаза

Нулевая фаза
Нил Неверов

Пролог

17 ноября 1987 года

Горьковская область. Объект № 17.

02:46.

Сначала исчез звук. Не весь, конечно. Продолжали гудеть трансформаторы, за стеной равномерно работала вентиляция, а где-то в глубине здания дребезжало плохо закреплённое металлическое ограждение. Исчез другой звук. Тот, к которому дежурный инженер Михаил Серов привык настолько, что перестал его замечать: негромкое потрескивание переговорного устройства на стене. Серов поднял голову от журнала.

На столе лежала раскрытая папка с протоколами испытаний. Рядом остывал чай в гранёном стакане. Электронные часы над дверью показывали 02:46. Он прислушался. Тишина. Михаил нажал кнопку вызова.

— Центральная, семнадцатый. Проверка связи.

Ответа не последовало. Он повторил вызов.

— Центральная, я семнадцатый. Как слышите?

Из динамика донёсся короткий щелчок, затем слабый шорох.

— Семнадцатый, приём, — произнёс наконец женский голос.

Диспетчер Галина Орлова.

— Галя, у меня переговорка пропадала. Посмотри, что у вас по каналу.

— Нормально всё. Ты чего не отвечал?

— В каком смысле?

— Я тебя уже минут пять вызываю.

Серов взглянул на часы.

02:47.

— Никаких вызовов не было.

— Миша, я с тобой разговаривала буквально минуту назад.

Он нахмурился.

— О чём?

На том конце повисла пауза.

— Ты спрашивал, кто находится в восьмой.

Михаил медленно повернулся к двери.

— В какой восьмой?

— В восьмой комнате. Ты сам так сказал.

— Галя, я тебя только сейчас вызвал.

В динамике что-то зашуршало.

— Погоди, — тихо произнесла диспетчер. — А с кем я тогда разговаривала?

Связь оборвалась.

Серов несколько секунд смотрел на переговорное устройство. Потом взял ручку и сделал запись в оперативном журнале:

02:47. Кратковременное нарушение оперативной связи. Причина выясняется.

Он перечитал написанное. Почерк показался чужим. Не настолько, чтобы насторожиться всерьёз. Просто буква «я» получилась какой-то неправильной, с длинным нижним хвостом, словно Михаил писал в спешке. Он закрыл журнал. В помещении снова раздался щелчок. На этот раз не из переговорного устройства. Щёлкнуло реле в шкафу регистрации. Михаил подошёл к панели. Зелёные индикаторы горели ровно. Красный сигнал аварии отсутствовал. На цифровом табло высвечивались результаты измерений, поступающих с нескольких каналов.

На третьем канале показание напряжения внезапно стало нулевым. Михаил замер. Согласно программе испытаний, третий канал был подключён к эталонному источнику. При исправной аппаратуре он не мог исчезнуть без соответствующего изменения состояния установки. Серов посмотрел на остальные показания. Первый канал — норма. Второй — норма. Третий — ноль. Четвёртый — норма. Он поднял трубку внутреннего телефона.

— Лаборатория?

Молчание.

— Лаборатория, ответьте.

Треск.

Потом мужской голос:

— Слушаю.

— Кто у вас сейчас на месте?

— Белов и Костин.

— Пусть кто-нибудь подойдёт к третьему каналу регистрации. У меня пропал сигнал.

— Уже проверяем.

— Как это уже?

— Вы же только что звонили.

Михаил почувствовал неприятный холодок между лопатками.

— Когда?

— Минуты две назад. Сказали проверить третий канал.

Он взглянул на часы.

02:51.

— Кто звонил?

— Вы, Михаил Петрович.

Серов медленно опустил трубку. В 03:02 в аппаратную вошла Нина Белова. Ей было двадцать три года. Она работала инженером лаборатории меньше года и относилась к оборудованию с тем серьёзным уважением, которое обычно встречается у специалистов, недавно окончивших институт. На ней был светлый лабораторный халат, поверх которого она накинула серый шерстяной кардиган.

— Михаил Петрович, что у вас происходит?

Серов молча показал на табло. Третий канал работал нормально.

— Вот именно, — сказал он.

Нина подошла ближе.

— Что?

— Пять минут назад здесь был ноль.

— Сейчас всё в пределах допуска.

— Я вижу.

— Может, контакт?

— Тогда почему из лаборатории говорят, что я уже звонил?

Нина обернулась.

— А вы не звонили?

— Один раз. Только что.

— Странно.

Она достала из кармана сложенный лист бумаги.

— Я вообще по другому вопросу. У нас регистратор напечатал вот это.

Серов взял лист. Это была узкая лента с отметками времени и состояниями каналов. Обычный рабочий документ, каких за время испытаний накопились десятки метров. Он пробежал глазами строчки.

03:00:11.

03:00:12.
03:00:13.
Затем:
03:17:00 — ПОТЕРЯ СИНХРОНИЗАЦИИ.
03:17:01 — КАНАЛ 3: НЕТ СИГНАЛА.
03:17:04 — ОПЕРАТОР НЕ ОТВЕЧАЕТ.
Ниже шла ещё одна строка.
03:17:09 — РЕГИСТРАЦИЯ ПРЕКРАЩЕНА.
Серов посмотрел на часы.
03:03.
— Когда это напечаталось?
— Примерно две минуты назад.
— Ты проверила часы регистратора?
— Конечно.
— И?
— Они показывали три семнадцать.
— Сейчас три ноль три.
— Я знаю.
Он положил ленту на стол.
— Сбой синхронизации.
Нина кивнула слишком быстро.
— Наверное.
— Не наверное. Значит, сбой. У нас опытная система, Нина. Для этого и проводим испытания — чтобы находить ошибки.
Он хотел добавить что-то ещё, но заметил её лицо.
— Что?
— Михаил Петрович, там ещё одна вещь.
— Какая?
— Когда регистратор выдавал ленту, из динамика пошёл голос.
— Чей?
— Не знаю.
— Что сказал?
Нина посмотрела в сторону двери.
— Он назвал моё имя.
Серов нахмурился.
— Кто?
— Я же сказала, не знаю.
— Мужчина?
— Да.
— Из центральной?
— Не думаю.
Она помолчала.
— Он сказал: «Нина, не оставайся там».
— Где?
— Вот именно. Не знаю.
Серов несколько секунд изучал её лицо.
— Ты устала.
— Я не устала.
— Мы третью неделю работаем в ночном режиме. У всех уже нервы.

— Я прекрасно понимаю, что могла неправильно расслышать.
— Вот и хорошо.
Нина не уходила.
— Михаил Петрович.
— Что ещё?
— А если лента правильная?
Он поднял глаза.
— В каком смысле?
— Если это действительно произойдёт в три семнадцать?
Серов хотел рассмеяться, но почему-то не смог.
— Нина, бумага не знает будущего.
Она ничего не ответила.
03:11.
Михаил снова связался с центральной диспетчерской. На этот раз ответил мужчина.
— Центральная, слушаю.
— Где Орлова?
— Какая Орлова?
Серов раздражённо выдохнул.
— Галина Орлова. Диспетчер. Я с ней полчаса назад разговаривал.
— Секунду.
Послышался шорох бумаги.
— У нас сегодня дежурит Смирнов.
— А Галя?
— Орлова в отпуске.
— С какого числа?
— С двенадцатого.
Михаил посмотрел на переговорное устройство.
— Повтори.
— С двенадцатого ноября. Что у вас случилось?
— Ничего.
— Уверены?
— Да.
Он отключился. Нина стояла у окна. За стеклом медленно кружился мокрый снег.
— Галина в отпуске? — спросила она.
Серов обернулся.
— Ты откуда знаешь?
— Она мне вчера звонила. Из санатория.
— Из какого санатория?
— В Кисловодске. Сказала, что вернётся в конце месяца.
Михаил почувствовал, как во рту пересохло.
— Ты уверена?
— Да. А что?
Он не ответил. За стеной загудело громче. Неожиданно один из индикаторов мигнул красным. Потом второй. В шкафу регистрации одновременно сработало несколько реле. Серов шагнул к панели.
— Нина, выйди.
— Что произошло?
— Пока не знаю. Иди в коридор, свяжись с лабораторией. Пусть проверят свои приборы.
Она открыла дверь. И замерла.

— Михаил Петрович...

— Что?

— Посмотрите.

Он обернулся. За дверью не было света. Коридор, который всегда освещался двумя рядами люминесцентных ламп, уходил в густую темноту.

— Освещение отключилось, — сказал Михаил.

Нина не двигалась.

— Там кто-то стоит.

Он подошёл. В дальнем конце коридора, возле двери восьмого помещения, действительно виднелась тёмная фигура. Человек стоял совершенно неподвижно. Разглядеть лицо было невозможно.

— Кто там? — крикнул Серов.

Фигура не ответила.

— Назовитесь!

Из аппаратной раздался резкий сигнал. Михаил обернулся. На панели загорелся красный индикатор.

Надпись на табло:

НАРУШЕНИЕ СИНХРОНИЗАЦИИ

Под ней появились цифры:

03:17:00.

Серов посмотрел на настенные часы.

03:14.

— Нина, назад.

Но девушка смотрела в коридор.

— Михаил Петрович...

— Что?!

— Это вы.

— Что?

— Там стоите вы.

Он резко повернулся. Коридор был пуст.

03:16.

Серов закрыл дверь аппаратной. Нина сидела у стола, прижимая ладони к коленям. Показания приборов пришли в норму. Все каналы снова работали. Индикаторы аварий погасли. Только регистратор продолжал печатать. Лента медленно выходила из механизма, падала на пол и сворачивалась в белые кольца. Михаил подошёл к шкафу.

На бумаге повторялась одна строка:

03:17:00 — ОПЕРАТОР НЕ ОТВЕЧАЕТ.

Снова. И снова. И снова. Он отключил питание регистратора штатным выключателем. Механизм остановился. Серов перевёл дыхание.

— Всё. Хватит.

Нина подняла голову.

— Что будем делать?

— Остановим испытания. Утром разберёмся.

— А сейчас?

— Сейчас составим запись о неисправности и вызовем ответственного руководителя.

Он подошёл к столу. Оперативный журнал лежал раскрытым. Михаил точно помнил, что закрыл его после первой записи. Теперь открыта была последняя заполненная страница. На ней, под записью от 02:47, появилась ещё одна.

03:17. Нарушение работы системы синхронизации. Связь с лабораторией отсутствует. Дальнейшая регистрация невозможна.

Под записью стояла подпись. Его подпись. Михаил медленно сел.

— Нина.

— Да?

— Ты подходила к журналу?

— Нет.

— Совсем?

— Нет, Михаил Петрович.

Он провёл пальцем по чернилам. Они были свежими. Снизу оставалась пустая строка. Пока он смотрел на неё, в переговорном устройстве раздался щелчок.

— Семнадцатый, приём.

Голос Галины Орловой. Михаил не двигался.

— Семнадцатый, ответьте.

Нина поднялась.

— Не надо, — сказала она.

Серов медленно потянулся к кнопке.

— Михаил Петрович, пожалуйста.

Он нажал вызов.

— Слушаю.

Несколько секунд было тихо.

Потом женский голос произнёс:

— Миша, ты опять сделал не то.

— Кто это?

— Ты должен был закрыть восьмую.

— Кто говорит?

— Теперь уже поздно.

В динамике зазвучали короткие гудки. Нина отступила к двери. Михаил посмотрел на оперативный журнал. Под его подписью проступала ещё одна строчка. По крайней мере, ему показалось, что раньше её там не было. Дежурный инженер Серов М. П. помещение покинуть не смог. Он перечитал предложение. Встал. Подошёл к двери. Повернул ручку. Дверь не открылась. Он потянул сильнее.

— Нина, отойди.

Ручка двигалась свободно, но дверь оставалась закрытой. Тогда за дверью кто-то постучал. Три раза. Тихо. Вежливо.

— Кто там? — спросил Михаил.

Ответил голос, который Серов в ту секунду принял за собственный:

— Не открывай. Я уже пробовал.

Серов отпустил ручку. Из шкафа регистрации донёсся щелчок. Потом второй. Механизм, который Серов считал отключённым, снова начал печатать. Михаил медленно повернул голову. Из щели выходила белая лента.

На ней было всего два слова:

НЕ ОТВЕЧАЙ.

Он посмотрел на часы. Было 03:17. А потом часы пошли назад.

Часть I
Объект, которого нет

Глава 1
417

4 ноября 2026 года

Праздничным утром город казался недособранным. Трамвай прошёл по улице Коминтерна почти пустой; у киоска женщина разгружала хлеб, ставя ящики прямо на грязный снег. Андрей остановился помочь ей поднять застрявшую тележку. Рукав куртки испачкался, и до самой конторы он тёр его салфеткой, сердясь на себя за эту бессмысленную тщательность. Ольга позвонила, когда он уже поднимался по лестнице.

— Ты хлеб взял?

— На обратном пути.

— Я спрашиваю потому, что в прошлый раз обратный путь занял три дня.

Она говорила без упрёка. От этого было хуже. Они собирались провести выходной за городом, закрыть воду в дачном доме. Накануне Андрей обещал посмотреть отчёт и вернуться к десяти. Обещание казалось надёжным: цифры редко требовали присутствия до вечера.

— В одиннадцать буду, — сказал он.

— Лучше позвони, когда выйдешь.

В кабинете пахло пылью нагретого пластика. На подоконнике стояла кружка Лапшина с обломанной ручкой; Виктор оставлял её здесь, когда приходил спорить об очередном показании. Они познакомились в четырнадцатом году на ночном повреждении кабеля. Андрей тогда только перешёл в энергетику после учёбы и нескольких лет технической работы у подрядчика. Лапшин полчаса слушал его расчёты, потом спросил, пробовал ли он выяснить, куда в действительности уходит кабель. На плане линия пересекала двор, а в земле огибала несуществующий цех.

После той ночи Андрей перестал стесняться вопросов. Виктор, в свою очередь, перестал называть его прокурором. Он включил компьютер и открыл общий отчёт, который система впервые за долгое время составила вместе с архивными точками. На прошлой неделе обновили форму выгрузки. Обычно такие обновления приносили лишние столбцы и испорченные заголовки. На этот раз они принесли объект, которого не было.

* * *

Андрей Корнев не любил необъяснимых цифр. Не потому, что был человеком ограниченным или лишённым воображения. Напротив, за двенадцать лет работы в энергокомпании он видел достаточно странных вещей, чтобы окончательно убедиться: у любого отклонения есть причина. Просто иногда её очень хорошо прячут. На экране компьютера была открыта таблица суточного потребления. Строки, столбцы, номера точек учёта. Тысячи записей, которые для постороннего человека представляли собой бессмысленный набор чисел.

Корнев видел в них совсем другое. Ночную работу оборудования. Производственные циклы. Забытые обогреватели. Неисправные счётчики. Иногда — хищения, замаскированные под технические потери. Он сделал глоток кофе. Холодный. Поставил кружку рядом с клавиатурой и снова посмотрел на выделенную строку.

417,2.

417,1.

417,3.

417,2.

417,1.

Двадцать восемь суток подряд. Практически одинаковое потребление. Он открыл профиль нагрузки. График представлял собой почти горизонтальную линию.

— Любопытно, — сказал Андрей.

В нормальных обстоятельствах это могло означать работу постоянной нагрузки. Например, серверного оборудования, насосов или промышленной вентиляции. Ничего необычного. Кроме одного обстоятельства. Объект был отключён от сети одиннадцать лет назад. Корнев открыл карточку точки поставки. Объект № 17. Статус: выведен из эксплуатации. Дата прекращения электроснабжения: 18.09.2015. Он проверил привязку к питающему центру. Потом открыл архивную однолинейную схему. Затем историю изменений.

Наконец, старую ведомость демонтированного оборудования. В карточке значилось, что питающий кабель отсоединён, а расчётный прибор учёта снят. Андрей откинулся на спинку кресла.

— Значит, либо у нас кто-то очень плохо работает с базой данных...

Он снова посмотрел на цифры.

— Либо кто-то очень хорошо.

Телефон на столе завибрировал.

На экране высветилось:

Виктор Лапшин.

— Слушаю.

— Андрюх, ты сегодня пораньше?

— Как видишь.

— Я тебе файл отправил. Посмотри.

— Какой?

— Семнадцатый.

Корнев выпрямился.

— Ты тоже его заметил?

— Я его три дня смотрю.

— И?

— Не нравится он мне.

— Почему?

— Потому что показания идут, а прибора нет.

— В базе много чего нет.

— Андрей, я не про базу. Я вчера полез в архив обмена.

— Ну?

На том конце послышался шум. Кто-то разговаривал неподалёку от Лапшина.

Виктор заговорил тише:

— Там не просто расчётные значения. Есть ответы на запросы.

Корнев нахмурился.

— С какого устройства?

— Вот это я и хочу понять.

— Серийный номер?

— Есть.

— Модель?

— Тоже.

— И что?

Лапшин помолчал.

— Этот счётчик сняли в пятнадцатом году. У меня акт есть.

— Возможно, его поставили на другом объекте, а привязку не исправили.

— Я так и подумал. Только у него адрес опроса старый. И журнал событий...

Виктор осёкся.

— Что журнал событий?

— Андрюх, лучше сам посмотри.

— Присылай.

— Уже отправил.

Звонок завершился. Андрей открыл корпоративную почту. Письмо от Лапшина пришло в 08:09, за несколько минут до звонка. Тема: «Объект 17. Не удаляй». Внутри было два файла. Первый — выгрузка показаний. Второй — журнал событий прибора учёта. Корнев открыл журнал. Последовательность выглядела обычной: сеансы связи, чтение регистров, синхронизация времени. Он прокрутил вниз. Вчера, 3 ноября, в 03:17:04 была зарегистрирована успешная коррекция часов.

Ничего необычного. Для системы автоматизированного сбора данных это штатное событие. Но следующая запись заставила Андрея остановиться.

03.11.2026 03:17:09.

Событие: вскрытие крышки клеммного отсека. Ещё одна запись.

03.11.2026 03:17:11.

Событие: восстановление штатного состояния. Две секунды. Возможно, ложное срабатывание датчика. Однако ниже находилось ещё одно событие.

03.11.2026 03:17:12.

Событие: коррекция времени. Корнев посмотрел на указанное значение. Часы прибора были переведены назад. Ровно на сорок семь минут. Он открыл предыдущие даты.

2 ноября.

03:17.

Коррекция времени: минус сорок семь минут.

1 ноября.

03:17.

То же самое.

31 октября.

Снова. Андрей нахмурился. Это уже было похоже не на неисправность, а на систематическое вмешательство. Кто-то либо намеренно изменял время, либо в системе обмена существовала ошибка, которую никто не замечал. Он открыл подробности сеанса связи. И остановился. Источник команды синхронизации в журнале не определялся. Точнее, соответствующее поле содержало значение, которого в текущей конфигурации системы быть не должно.

LOCAL.

Локальная операция. Команда, выполненная непосредственно на приборе. Но в архиве она находилась внутри сеанса удалённого опроса. Корнев перечитал строку. Открыл настройки протокола. Проверил соответствие кодов событий. Всё совпадало. Он взял телефон. Набрал Лапшина. Длинные гудки.

— Да, — ответил Виктор.

— Вить, кто-нибудь физически осматривал прибор?

— Какой прибор?

— Семнадцатый.

— Нет.

— Точно?

— Андрей, он одиннадцать лет как демонтирован.

— Тогда объясни мне, почему третьего ноября в три семнадцать у него открывали крышку.

На том конце стало тихо.

— Ты до этого места добрался, — наконец произнёс Лапшин.

— Добрался. Что дальше?

— Посмотри самое начало журнала.

— Зачем?

— Просто посмотри.

Андрей прокрутил файл вверх. На первой строке стояла дата.

17 ноября 1987 года.

Он тихо выругался.

— Виктор, что за ерунду ты мне прислал?

— Оригинальную выгрузку.

— Прибор не мог работать в восемьдесят седьмом.

— Знаю.

— Его тогда ещё не выпускали.

— Знаю.

— Тогда откуда запись?

Лапшин ничего не ответил. Корнев приблизил текст.

Первая строка журнала содержала короткое сообщение:

17.11.1987 03:17:00.

Событие: потеря синхронизации.

Вторая:

17.11.1987 03:17:01.

Событие: канал 3 — нет сигнала.

Третья:

17.11.1987 03:17:04.

Событие: оператор не отвечает. Андрей медленно убрал руку с мыши. В коридоре хлопнула дверь. Кто-то рассмеялся. За стеной зазвонил телефон. Обычное рабочее утро. Он ещё раз посмотрел на экран.

— Вить, — произнёс он, — это шутка?

— Я хотел бы, чтобы это была шутка.

— Ты понимаешь, что такие данные можно вставить в файл за пять минут?

— Понимаю.

— Тогда зачем ты меня дёргаешь?

Лапшин вздохнул.

— Потому что я вчера ездил туда.

Корнев выпрямился.

— Куда?

— На семнадцатый.

— Один?

— Да.

— Ты вообще соображаешь, что делаешь? Там заброшенный объект. Охраны нет, состояние конструкций неизвестно.

— Я внутрь не заходил.

— И что увидел?

Виктор долго молчал.

— Свет.

— Где?

— На втором этаже. В крайнем окне.

— Может, охрана. Может, кто-то помещение использует.

— Может.
— И ради этого ты мне звонишь?
— Нет, Андрей.
Послышалось дыхание.
— Там кое-что ещё было.
— Что?
— Когда я подъехал, свет горел. А потом погас. И мне позвонили.
— Кто?
— Я.
Корнев закрыл глаза.
— Вить, давай нормально.
— Я нормально. На телефоне высветился мой номер.
— Подмена номера. Сейчас это не проблема.
— Я тоже так подумал.
— И?
— Я ответил.
Андрей молчал.
— Сначала ничего не было слышно. Потом какой-то шум. Как будто рация старая работает. А потом мой голос сказал: «Уезжай. Ты уже опоздал».
— Записал?
— Нет.
— Зря.
— Знаю.
За окном медленно проехал грузовик. Корнев посмотрел на часы.
08:26.
— Где ты сейчас?
— В диспетчерской.
— Никуда не уходи. Я подойду.
— Андрей...
— Что?
— Есть ещё одна вещь.
— Какая?
— Сегодня ночью я снова проверил журнал.
— И?
— Там появилась новая запись.
— Какая?
Лапшин понизил голос.
— За пятое ноября.
Корнев замолчал. Сегодня было четвёртое.
— Что в ней?
— Я тебе не по телефону скажу.
— Виктор, не начинай.
— Просто приходи.
— Хорошо. Через десять минут буду.
— Андрей.
— Ну?
— Если я вдруг куда-нибудь уйду, никому не верь, что это было по моей инициативе.

Связь оборвалась. Корнев несколько секунд держал телефон возле уха. Потом снова открыл журнал. Прокрутил вниз. Запись от 5 ноября действительно была там. Он не заметил её раньше, потому что она находилась после нескольких сотен строк служебной информации.

05.11.2026 03:17:00.

Событие: потеря связи.

05.11.2026 03:17:04.

Событие: доступ к архиву.

05.11.2026 03:17:09.

Событие: пользователь отключён. Ниже было ещё одно поле. Обычно в нём указывался идентификатор оператора или системы, выполнившей действие. В этот раз там стояла фамилия.

ЛАПШИН ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ.

И ещё одна строка:

ПРИЧИНА ОТКЛЮЧЕНИЯ: СМЕРТЬ ОПЕРАТОРА.

Андрей долго смотрел на экран. Потом достал телефон и ещё раз набрал Виктора. Абонент не отвечал. Он попробовал снова. Безрезультатно. Корнев встал, накинул куртку и направился к выходу. У самой двери он остановился. Вернулся к столу. Скопировал оба файла на отдельный носитель. И вышел.

Глава 2
Мёртвая линия

4 ноября

В коридоре ещё пахло краской: к празднику подновили стены, не сняв старых табличек. Андрей поймал себя на желании пойти медленнее. Пока он шёл, существовала возможность, что Виктор сидит в кресле и сейчас поднимет голову, скажет: «Ну что, испугался?» У лестницы Корнев встретил уборщицу с ведром. Она попросила обойти мокрый участок. Он послушно прижался к стене и только потом подумал, как нелепо это выглядит: человек торопится к другу, который предупредил об опасности, и старательно не наступает на вымытый пол.

Из диспетчерской доносился доклад по переключениям. Андрей дождался конца команды и вошёл.

* * *

Виктора Лапшина на рабочем месте не оказалось. Андрей Корнев остановился у двери диспетчерской, посмотрел на пустое кресло возле третьего монитора и почувствовал раздражение.

— Где Виктор? — спросил он.

Дежурный диспетчер, мужчина лет тридцати с усталым лицом, не сразу оторвался от экрана.

— Вышел.

— Куда?

— Не докладывал.

— Давно?

— Минут десять.

Андрей посмотрел на часы.

— Он мне звонил двадцать минут назад.

— Значит, после этого и вышел.

— Телефон здесь?

Диспетчер пожал плечами. Корнев набрал номер Лапшина. В глубине помещения раздался знакомый рингтон. Оба мужчины повернули головы. Телефон лежал на столе Виктора, экраном вниз. Андрей подошёл и посмотрел на него. Пропущенный вызов. Его собственный.

— Он часто телефон оставляет? — спросил Корнев.

— Да нет. Обычно с собой таскает.

— Кто последний его видел?

— Я.

— Что делал?

— Сидел, работал. Потом встал и ушёл.

— Один?

Диспетчер немного подумал.

— Вроде да.

— Вроде?

— Андрей Викторович, я за каждым шагом не слежу. У меня смена идёт.

Корнев промолчал. На одном из мониторов отображалась мнемосхема электрической сети. Зелёные и красные обозначения коммутационных аппаратов, значения напряжений, токовые нагрузки. Привычная картина. Именно это раздражало сильнее всего. Ничего не изменилось. Никакой тревоги, никакой суеты. За стеной кто-то обсуждал график отпусков. В коридоре пахло разогретой едой. Из открытого окна тянуло холодным ноябрьским воздухом. А человек, который двадцать минут назад говорил с ним о собственной возможной смерти, исчез.

— Покажи, кто входил за последние полчаса.
— Куда?
— Сюда.
— Андрей Викторович, у нас камеры есть. Через охрану запросите.
— Я не про камеры. Ты сам кого видел?
Диспетчер наконец повернулся к нему.
— Вы что, думаете, случилось чего?
— Пока не знаю.
— Тогда чего...
— Кто входил?
Тот вздохнул.
— Начальник смены заходил. Потом Громов.
Андрей поднял глаза.
— Олег Николаевич?
— Ну да.
— Когда?
— Не засекал. Минут двадцать назад.
— С Виктором разговаривал?
— Да.
— О чём?
— Не слышал.
— Они вышли вместе?
— Нет. Громов раньше ушёл.
Корнев посмотрел на пустое кресло.
— Виктор что-нибудь после него говорил?
Диспетчер задумался.
— Матерился.
— Из-за чего?
— Не знаю. Сказал, что всё это ему надоело.
— Что именно?
— Да откуда я знаю?
Андрей помолчал.
— Ладно. Если Виктор появится, сразу мне позвони.
— Хорошо.

Корнев уже собирался уходить, когда заметил на столе Лапшина небольшой бумажный блокнот. Он узнал его сразу. Виктор пользовался такими годами: дешёвые блокноты в клетку, с пружиной сверху. Записывал туда номера телефонов, адреса, замечания по работе. Всегда писал карандашом. Блокнот лежал раскрытым. На странице было всего четыре строки.

417,2.

Третий канал. Не верить архиву. Схема до 2015 года. Последняя запись была дважды подчёркнута. Корнев сфотографировал страницу.

— Это он сегодня писал? — спросил Андрей.

Диспетчер взглянул мельком.

— Наверное.

— А почему карандаш сломан?

Рядом с блокнотом лежали две половинки простого карандаша.

— Не знаю.

Андрей осторожно положил их рядом. Затем заметил на нижнем крае страницы почти незаметную вдавленную линию. Словно кто-то писал на предыдущем листе с большим нажи-

мом, а потом вырвал его. Он наклонил блокнот к свету. Под определённым углом стали видны углубления. Слова разобрать не удалось. Только цифры.

03:17.

В 09:06 Андрей сидел в своём кабинете и просматривал архивные схемы. Объект № 17 находился на окраине старой промышленной зоны, неподалёку от бывшей железнодорожной ветки. Территория давно утратила первоначальное назначение. Часть зданий снесли, другие сдавали в аренду. Несколько корпусов пустовали. На действующей схеме электроснабжения объект отсутствовал. Не был обозначен даже как отключённый потребитель. Корнев открыл предыдущую редакцию.

2018 год.

Ничего.

2016-й.

Тоже. Наконец, схема от августа 2015 года. Он увеличил изображение. Вот он. Объект № 17. Старая трансформаторная подстанция 10/0,4 кВ, два трансформатора по 630 кВА. Согласно схеме, питание приходило по двум кабельным линиям 10 кВ от соседнего распределительного пункта. Обычная схема для промышленного потребителя. В сентябре 2015 года обе линии были выведены из работы. В документах значились отсоединение питающих кабелей, демонтаж трансформаторов и снятие расчётного прибора учёта. Корнев нашёл соответствующий акт.

Подписи. Печати. Фотографии. На одном снимке были видны открытые двери трансформаторной камеры. На другом — опустевшая ячейка распределительного устройства. Андрей внимательно изучил фотографию. Что-то было не так. Он приблизил изображение. В дальнем углу помещения, за снятым оборудованием, виднелась металлическая дверь. На ней белой краской был нанесён номер.

8.

Он открыл другую фотографию. Двери не было видно. Третью. Тоже. Корнев проверил дату снимка.

18 сентября 2015 года.

Потом вернулся к однолинейной схеме. Никакого восьмого помещения там, естественно, не обозначалось. Электрическая схема не являлась строительным планом. Он открыл поэтажный план, приложенный к старому паспорту объекта. Первый этаж: распределительное устройство, трансформаторные камеры, кабельный полуэтаж, вспомогательные помещения. Второй: лаборатория, аппаратная, служебные комнаты. Восемь помещений действительно существовало. Но на плане восьмое находилось на втором этаже. А дверь на фотографии — на первом.

Корнев медленно откинулся на спинку кресла.

— Значит, или нумерацию меняли, или план неполный.

Он открыл свойства файла. Дата создания электронной копии — 2019 год. Дата последнего изменения — вчера. Вчера? Андрей нахмурился. Он проверил путь к файлу. Корпоративный архив. Папка документов, перенесённых из старой системы. Дата изменения могла означать обычную переиндексацию. Или автоматическое обновление метаданных. Ничего криминального. Он сделал локальную копию и записал контрольную сумму файла. Теперь можно будет проверить, изменится ли содержимое при следующем обращении.

Затем открыл программу просмотра профилей нагрузки. Снова та самая линия.

417 киловатт-часов в сутки.

Андрей достал калькулятор.

417,2 разделить на 24.

17,383.

Приблизительно 17,4 киловатта постоянной нагрузки. Существенно, но вполне реалистично. Небольшая серверная, система кондиционирования, вентиляция. Возможно, майнин-

говое оборудование. Или несколько производственных установок, работающих непрерывно. Он открыл почасовой профиль. И замер. Обычно даже самая стабильная нагрузка немного колеблется. Включаются компрессоры, меняется потребление вспомогательного оборудования, происходят переходные процессы. Здесь значения были практически одинаковыми.

Одинаковыми до третьего знака. На протяжении нескольких недель. Андрей пролистал данные. В каждых сутках обнаруживался один и тот же участок. С 03:17 до 04:04. Сорок семь минут. В этот период активная мощность снижалась до нуля. Но суточное потребление оставалось около 417 киловатт-часов. Он открыл интервальные данные и пересчитал сумму. Получилось 403,6. Не 417,2. Разница — 13,6 киловатт-часа. Корнев повторил расчёт. Результат не изменился.

Он проверил единицы измерения, коэффициенты трансформации, переходы между расчётными периодами. Ничего. Суммарный регистр прибора показывал одно. Интервальный профиль — другое. Такое расхождение могло иметь несколько причин. Например, ошибку обработки временных меток после коррекции часов или подмену части архива. Но не случайное совпадение. Слишком уж аккуратно всё повторялось. Андрей открыл журнал событий. Каждую ночь в 03:17. Коррекция времени. Минус сорок семь минут.

Именно столько, сколько занимал провал в интервальном профиле. Он усмехнулся.

— Ну вот. Уже кое-что.

Это была первая нормальная за утро техническая зацепка. Кто-то мог использовать повторяющуюся коррекцию часов, чтобы исказить учётные данные. Возможно, специально. Оставалось понять зачем. И главное — где физически находился прибор, который якобы демонтировали одиннадцать лет назад. В 09:34 Андрей позвонил начальнику группы технического аудита.

— Михаил, мне нужен старый акт по семнадцатому объекту.

— Какому семнадцатому?

— Промзона. Бывшая лаборатория. Отключение в пятнадцатом году.

— А тебе зачем?

— Есть расхождение в архиве учёта.

— Большое?

— Пока не знаю.

— Тогда служебку сделай.

— Я сделаю. Но сначала скажи, у тебя сохранились бумажные материалы?

— Может, в архиве.

— Кто оформлял демонтаж?

Собеседник задумался.

— По-моему, Зотов. Или с ним кто-то был. Давно дело.

— Игорь Зотов?

— Да. Он тогда ещё работал.

— У него телефон есть?

— Откуда мне знать? Он лет восемь как уволился.

— Понял.

— Андрей, а чего ты вообще туда полез?

Корнев посмотрел на экран.

— Потому что объект потребляет электричество.

— Какое ещё электричество?

— Семнадцать киловатт практически круглосуточно.

На том конце наступила пауза.

— Быть такого не может.

— Я тоже так считаю.

— Там всё отключили. Лично помню.

— Вот и проверяю.

— Слушай, — голос Михаила изменился, — ты лучше к Громову зайди.

— Зачем?

— Он тогда закрытием территории занимался. Может, знает.

— Олег Николаевич?

— Ну да.

— Хорошо.

— Только сначала с ним согласуй, прежде чем куда-то ехать.

— А это ещё почему?

— Потому что объект не наш.

— А чей?

Михаил помолчал.

— Сейчас уже не помню. Какая-то организация выкупила территорию.

— Какая?

— Не знаю, Андрей. Через имущество уточни.

Связь завершилась. Корнев посмотрел на фотографию металлической двери. Номер восемь. Почему-то именно эта деталь не давала ему покоя. Не странные даты. Не голос Лапшина. Не несоответствия в журнале. Просто дверь. Он вспомнил, как много лет назад, ещё работая следователем, осматривал место убийства. Обычная квартира. Обычная мебель. Никаких явных следов борьбы. Тогда он обратил внимание на дверцу кухонного шкафа, которая закрывалась чуть хуже остальных.

За ней обнаружилась свежая монтажная ниша. Внутри — оружие. Преступник был уверен, что никто не станет проверять шкафы, поскольку они не имели отношения к очевидной картине происшествия. С тех пор Андрей усвоил простое правило. Самые важные вещи часто находятся не там, где их принято искать. В 10:02 его вызвал Олег Громов. Секретарь позвонила на внутренний номер.

— Андрей Викторович, Олег Николаевич просит зайти.

— Сейчас?

— Да.

— По какому вопросу?

— Не уточнил.

Громов встретил его в коридоре, с телефоном у уха, и жестом показал: заходи. На столе лежала раскрытая папка с фотографиями разбитого автомобиля. Андрей узнал машину выездной бригады.

— Водитель в больнице? — спросил он, когда Громов закончил разговор.

— Отпустили. Ребята за него подпишут всё, что надо. Только бы выгородить. Садись.

Он убрал фотографии под папку.

— Лапшин сегодня к тебе приходил?

— Я его ищу. Телефон оставил, машина здесь.

Громов набрал внутренний номер.

— Сохраните проходную и парковку за утро. С восьми. Нет, не нарезку, весь промежуток. И найдите, кто выдавал временные карты.

Андрей хотел возразить: начинать нужно было раньше. Но Громов уже звонил в медпункт.

— Про семнадцатый объект Виктор говорил? — спросил Корнев.

— Говорил. Злился, что его с расчётами гоняют по кругу. Я посоветовал взять старый план у имущества. Считал, он туда и ушёл.

— Там семнадцать киловатт. На отключённой площадке.

— Значит, кто-то подключился заново.

— Или врёт архив.

— Вот ты и разберись. Я тебе допуск оформлю. И машину.

Громов вытянул из стопки чистый бланк. Вписал фамилию Корнева, подписал, затем подвинул лист через стол.

— Только один не лезь. Там арендаторы, собаки, проводку тянули кто во что горазд. В прошлом году электрик ногу сломал в приямке.

Андрей взял бланк. Прежде чем зайти, он приготовился спорить о доступе. Теперь спорить было не с чем.

— Вы знаете восьмую комнату?

— На каком этаже?

— В старом корпусе. На фотографии за трансформатором дверь с цифрой восемь.

— Трансформаторы сняты. Если дверь осталась, найдём. Покажешь на месте.

Секретарь принесла распечатку проходов. Громов пробежал её глазами и позвал Андрея к своему экрану. В строке за фамилией Лапшина стояла временная карта без имени.

— Вот этот, — сказал Корнев.

— Может быть. У нас подрядчики с утра.

— Откройте.

Карточка посетителя загрузилась не сразу. В графе ответственного стояло имя Громова.

Он не отвернул экран.

— Согласование моё. Сейчас поднимут заявку. Временные карты оформляет администратор.

— Вы каждого человека видите?

— Нет. А ты каждый свой счётчик?

Андрей убрал руку с края стола.

— Я хочу записи получить сам.

— Получишь. Я же при тебе распорядился.

— И заявку.

Громов посмотрел на него уже без деловой торопливости.

— Андрей, если Виктор просто уехал и сейчас сидит у знакомой, разбираться с ним будешь ты. Договорились?

— Договорились.

Впервые за утро Корнев почти рассердился на Лапшина: хорошая, простая версия ещё оставалась возможной.

В коридоре он развернул допуск. Документ давал ему больше, чем он рассчитывал получить. Внизу, под подписью Громова, стоял номер подразделения, через которое согласовывались работы на площадке. Тот же номер значился в карточке незнакомого посетителя.

В 11:26 ему открыли просмотр записей. Лапшин приложил пропуск к считывателю у выхода в 08:31.

Следом, спустя семнадцать секунд, через ту же дверь прошёл человек с временным пропуском. Номер пропуска в системе отображался. Фамилия — нет. Видеозапись показывала Виктора со спины. Он шёл быстро, немного ссутулившись, как всегда. У дверей остановился. Обернулся. Камера на секунду поймала его лицо. Андрей увеличил изображение. Лапшин смотрел не на камеру. Куда-то левее. На человека, который оставался за пределами кадра. Потом Виктор произнёс несколько слов и вышел.

Следующий кадр показывал мужчину в тёмной куртке. Лицо скрывал капюшон. Он не спешил. Приложил временный пропуск и вышел вслед за Лапшиным. Андрей остановил воспроизведение. На стене за человеком висели электронные часы.

08:31.

Под ними — табличка с указанием эвакуационного выхода. Он просмотрел фрагмент ещё раз. Виктор. Неизвестный. Пауза. Ничего необычного. Но когда Андрей увеличил участок изображения над дверью, заметил ещё одну деталь. Электронные часы на первом кадре показывали 08:31. На следующем — 08:30. Он проверил временные метки видеорегистратора. Интервал между кадрами составлял меньше секунды. Никакого скачка записи. Корнев приблизил изображение до максимума. Цифры расплылись, но различить их было возможно.

08:31.

08:30.

Он открыл соседнюю камеру. На ней тех же часов не было. Зато был другой цифровой дисплей — часть панели системы контроля доступа. Время на нём не менялось.

08:31.

Андрей вернулся к первой записи. И вдруг понял. Это не часы пошли назад. Просто изображение менялось с разной частотой. Камера могла захватить переход цифр при обновлении дисплея, а на предыдущем кадре из-за мерцания часть сегментов отображалась неверно. Обычный технический эффект. Он даже улыбнулся. Несколько часов назад такая деталь показалась бы ему дурным знаком. Теперь она имела простое объяснение. Но неизвестный человек никуда не делся. И исчезновение Лапшина тоже. Андрей выписал номер временного пропуска.

Проверил журнал выдачи. Пропуск был оформлен на посетителя. Фамилия: Серов. Имя: Михаил. Отчество: Петрович. Корнев замер. Дата рождения посетителя отсутствовала. Организация не указана. Основание выдачи — служебное посещение. Ответственный за оформление — О. Н. Громов. Андрей открыл фотографию посетителя из карточки пропуска. Файла не было. Он перечитал имя. Михаил Петрович Серов. Ничего знакомого. Пока. В 11:35 Андрей спустился в архив.

Архивист Вера Соколова была женщиной лет шестидесяти, которая относилась к старым документам с большей заботой, чем большинство людей к собственным родственникам. Увидев Корнева, она сняла очки.

— Опять что-то ищешь?

— Старые схемы.

— Какие?

— Семнадцатый объект. Восемьдесят седьмой год.

Соколова посмотрела на него поверх очков.

— А тебе зачем такая древность?

— Проверяю историю электроснабжения.

— По девяностым могу поискать. По восемьдесят седьмому вряд ли.

— Что-то сохранилось?

Она задумалась.

— Были папки с актами по лаборатории. Только их давно передавали.

— Куда?

— В ведомственный архив. Может, часть осталась.

Андрей достал телефон. Показал фотографию металлической двери.

— Вот это здание узнаёте?

Соколова приблизила экран.

— Узнаю.

— Бывали там?

— Один раз. Очень давно.

— Когда?

— В девяносто втором, наверное. Архивы принимали.

— И что там было?

— Пусто почти. Пыль. Мебель старая.

Она вернула телефон.

— Неприятное место.

— Почему?

— Не знаю. Ощущение такое было.

Корнев кивнул.

— А Михаила Серова помните?

Вера Александровна медленно сняла очки.

— Какого Серова?

— Михаила Петровича.

Она молчала.

— В документах встретилась фамилия, — пояснил Андрей. — Может, работал там.

Соколова посмотрела на дверь архива. Потом снова на него.

— Серов погиб.

— Когда?

— В восемьдесят седьмом.

Корнев почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Точно?

— Насколько помню.

— При аварии?

— Да.

— Вы лично его знали?

— Нет. Только документы видела.

Она встала и подошла к металлическому шкафу. Долго перебирала папки. Наконец достала тонкую картонную обложку.

На ней было написано:

Лаборатория № 17. Акты технического состояния.

1987–1992.

— Посмотри, — сказала она. — Только здесь.

Корнев открыл папку. Первые листы содержали перечни оборудования, ведомости и акты обследований. Он перелистывал медленно. На девятом листе обнаружил протокол комиссии от 19 ноября 1987 года. Тема: «О техническом происшествии на объекте № 17». В составе комиссии значились семь человек. Ниже был перечень работников, находившихся на объекте в ночь происшествия. Михаил Петрович Серов. Должность: дежурный инженер. Статус: погиб. Андрей посмотрел на дату.

19 ноября 1987 года.

Затем достал телефон. Открыл фотографию журнала контроля прохода.

4 ноября 2026 года.

Временный пропуск. Михаил Петрович Серов. Он сделал глубокий вдох. Совпадение имени и фамилии ничего не доказывало. Тем более если в карточке посетителя не было ни фотографии, ни даты рождения. Кто угодно мог записаться под чужим именем. Но зачем? И почему именно под именем человека, погибшего на объекте почти сорок лет назад? Корнев продолжил листать папку. Последний документ был вложен отдельно. Пожелтевший лист с машинописным текстом.

Сверху стоял штамп:

КОПИЯ.

Ниже:

Выписка из оперативного журнала за 17.11.1987. Андрей прочитал первую строку.

02:47. Кратковременное нарушение оперативной связи. Причина выясняется.

Вторая:

03:17. Нарушение работы системы синхронизации. Связь с лабораторией отсутствует. Дальнейшая регистрация невозможна.

Под текстом стояла фамилия. Серов М. П.

А ниже от руки было дописано:

Дежурный инженер Серов М. П. помещение покинуть не смог. Корнев долго смотрел на эту запись. Чернила выцвели. Почерк был неровным, словно писавший торопился. Он уже собирался перевернуть лист, когда заметил в нижнем углу ещё одну короткую фразу. Она была написана карандашом. Едва заметно. Восьмой не выходил. Андрей поднял голову.

— Вера Александровна, кто делал эту копию?

— Не знаю. Она всегда здесь лежала.

— А оригинал?

— Должен быть в ведомственном архиве.

— Можно установить, кто передавал документы?

— Попробуем.

Она подошла к столу.

— Андрей, а что ты там такое нашёл?

Он хотел ответить, но телефон завибрировал. Сообщение с неизвестного номера. Без текста. Только фотография. Андрей открыл её. Снимок был сделан в каком-то тёмном помещении. В центре стоял деревянный стул. Позади виднелась металлическая дверь с цифрой восемь. На стуле сидел мужчина. Руки связаны за спиной. Голова опущена. Седые волосы. Рабочая куртка. Виктор Лапшин. Андрей увеличил фотографию.

Глаза Виктора оставались открытыми. Андрей хотел принять это за доказательство, что друг жив, но по одному снимку установить это было нельзя.

Под фотографией находилась подпись:

«Он ещё может выйти».

Через несколько секунд пришло второе сообщение.

«Но только один из вас».

Корнев немедленно нажал на вызов отправителя. Номер оказался недоступен. Он проверил свойства изображения. Дата съёмки отсутствовала. Данные о месте — тоже.

И только в имени файла сохранилась последовательность цифр:

19871117_031700.jpg

Андрей посмотрел на Веру Соколову.

— Мне нужно срочно связаться с полицией.

Она побледнела.

— Что случилось?

Корнев ещё раз взглянул на фотографию. На металлическую дверь. На связанного Виктора. И только тогда заметил деталь, которую сначала не увидел. На стене за Лапшиным висел старый календарь. Ноябрь 1987 года.

Глава 3
Последний звонок

4 ноября

В комнате ожидания жена Лапшина держала обеими руками бумажный стакан. Чай давно остыл. Елена Сергеевна приехала в той же лёгкой куртке, в которой, по её словам, вышла выносить мусор. Соседка встретила её у подъезда и спросила, почему возле дома полицейская машина. После этого Елена уже не смогла подняться за пальто.

— Он звонил мне вчера, — сказала она Андрею. — Спрашивал, где старая коробка от телефона. Я решила, что хочет продать.

Корнев сел рядом.

— У него был запасной?

— Наш старый. С кнопками. Он его заряжал. Сказал, для работы.

Сведения записал сотрудник, оставшийся с ними. Андрей не стал задавать следующий вопрос первым. Он знал, как легко человек в тревоге начинает угадывать нужный ответ.

— Кольцо он в кармане носит, — вдруг добавила Елена. — На смене снимает. Палец стал отекать. Дома надевает, чтобы я не ворчала. Я и не ворчу давно.

Она попыталась улыбнуться и не смогла.

— Вы его найдёте?

Когда-то Андрей отвечал на этот вопрос сразу. В двадцать семь лет он верил, что уверенный голос помогает потерпевшему. Теперь ему было сорок девять, и он помнил людей, которым давал такие обещания.

— Мы ищем, — сказал он. — Я останусь на связи.

* * *

— Повторите, когда вы последний раз разговаривали с пропавшим?

Следователь Павел Руднев смотрел на Андрея поверх экрана ноутбука. Ему было около сорока. Невысокий, сухощавый, с короткими тёмными волосами и привычкой не перебивать собеседника. Эту привычку Корнев оценил сразу. Они сидели в небольшой переговорной. На столе лежал телефон Андрея с открытой фотографией Лапшина.

— В восемь двадцать шесть, — ответил Корнев. — Разговор закончился примерно через две минуты.

— Что он сказал?

— Что собирается показать мне одну запись. И что, если исчезнет, не следует верить заявлениям, будто он ушёл добровольно.

Руднев записал.

— Почему вы сразу не сообщили об этом?

— Я пришёл к нему через пятнадцать минут. Его уже не было. Сначала предполагал, что он вышел по работе.

— Но он оставил телефон?

— Да.

— И вас это не насторожило?

— Насторожило. Поэтому я начал выяснять, куда он ушёл.

Руднев немного помолчал.

— Андрей Викторович, вы раньше работали в следственных органах?

— Да.

— Тогда понимаете, почему я задаю эти вопросы.

— Понимаю.

— Хорошо. Продолжайте.

Корнев рассказал о временном пропуске, неизвестном мужчине в капюшоне и записи в системе контроля доступа. Когда он назвал фамилию Серова, следователь поднял глаза.

— Это тот человек, который погиб в восемьдесят седьмом?

— По архивным документам — да.

— Может быть однофамилец?

— Может.

— Может быть, пропуск оформили на вымышленные данные?

— Тоже может.

— Вы проверяли удостоверение посетителя?

— У меня нет доступа к первичным документам оформления.

Руднев кивнул.

— Разберёмся с доступом. Что ещё?

Он закрыл ноутбук.

— Записи и журналы получим. Телефон держите включённым.

— Я готов.

— Фотографию вы получили в двенадцать ноль три?

— Да.

— Ранее угрозы Лапшину поступали?

— Мне об этом неизвестно.

— А вам?

Корнев хотел ответить отрицательно. Но вспомнил разговор с Громовым. Предупреждение не заниматься объектом. Просьбу передать файлы. Странную реакцию на восьмую комнату.

— Прямых угроз не было.

Руднев внимательно посмотрел на него.

— А непрямые?

— Меня настойчиво просили не вмешиваться в историю семнадцатого объекта.

— Кто?

— Руководитель службы безопасности.

Следователь записал фамилию. Потом снова открыл фотографию.

— Вы обратили внимание на календарь?

— Да.

— И что думаете?

— Кто-то специально его повесил.

— Зачем?

— Чтобы заставить нас вспомнить аварию восемьдесят седьмого.

Руднев наклонил голову.

— А почему вы уверены, что это сделано для вас?

Андрей не ответил. Следователь развернул экран ноутбука. На нём была увеличенная фотография Лапшина.

— Посмотрите на левую руку.

Корнев приблизился. Ладонь Виктора была частично видна за спинкой стула. На безымянном пальце находилось обручальное кольцо.

— И что?

Руднев открыл другой снимок. Кадр с камеры наблюдения, сделанный в 08:31. Лапшин выходил из здания. Руки были хорошо видны. На запястье виднелся ремешок часов. Но обручального кольца не было.

— Он носил кольцо? — спросил следователь.

Андрей задумался.

— Не помню.

— На рабочем видео нет. На фотографии есть.

— Мог надеть.

— Мог.

Руднев посмотрел на часы.

— Сейчас проверим с родственниками. А ещё нам нужно установить, когда сделана фотография. Не когда сформирован файл — именно когда снимали человека.

Он замолчал.

Потом спросил:

— Вы уверены, что на фото Виктор Лапшин?

— Да.

— Абсолютно?

Корнев взглянул на экран. Знакомое лицо. Седые волосы. Рабочая куртка. И выражение глаз, которое он видел много раз — обычно когда Виктор собирался сообщить о какой-нибудь неприятности.

— Уверен.

Руднев кивнул.

— Тогда действуем как при возможном похищении. Версию инсценировки тоже не исключаем.

Телефон Андрея завибрировал. На экране появился незнакомый номер. Позднее выяснится, что звонок проходил через телефонный шлюз подрядной организации; тогда Корнев увидел только цифры. Звонок. Руднев посмотрел на экран.

— Кто это?

— Не знаю.

— Включите громкую связь.

Андрей ответил. Сначала послышался треск. Затем негромкий механический шум. Словно где-то рядом работал старый вентилятор.

— Андрей...

Голос был слабым. Но узнаваемым. Виктор.

— Витя! Где ты?

Несколько секунд слышалось только дыхание.

— Не ищи меня... через охрану.

Руднев придвинул к себе телефон.

— Виктор Сергеевич, вас слышит следователь. Можете назвать место, где находитесь?

Пауза.

— Он... рядом.

— Кто рядом?

Треск усилился.

— Тот, который...

Связь на секунду пропала. Потом голос вернулся.

— Андрей, ты журнал видел?

— Видел. Слушай меня. Мы тебя найдём. Скажи, что вокруг.

— Не журнал счётчика...

Корнев замер.

— А какой?

— Старый.

— Из восемьдесят седьмого?

— Там... последняя страница.

В динамике раздался металлический стук. Затем второй. Руднев наклонился ближе.

— Виктор Сергеевич, если вы можете, опишите обстановку.

— Андрей...

— Я здесь, Витя.

— Никому не показывай...

Голос сорвался.

— Что не показывать?

— Третью фотографию.

Андрей нахмурился.

— Какую третью?

— Там... мы все...

Снова треск.

Виктор заговорил неожиданно отчётливо:

— И ты тоже.

Звонок оборвался. Несколько секунд никто не произносил ни слова. Руднев первым нарушил тишину.

— Третья фотография. Вы понимаете, о чём он?

Корнев покачал головой.

— Нет.

Следователь протянул руку.

— Покажите мне все снимки из архивной папки.

Андрей открыл телефон. Первый снимок — помещение после демонтажа оборудования. Второй — пустая трансформаторная камера. Третий... Корнев остановился. Он помнил, что на третьем снимке была металлическая дверь с цифрой восемь. Теперь на экране виднелось другое изображение. Семь мужчин и одна женщина стояли перед лабораторным зданием. Групповая фотография. Судя по одежде и качеству изображения — конец восьмидесятых. Корнев медленно увеличил кадр. Лица были плохо различимы. Но одного человека он узнал сразу.

Виктор Лапшин. Тот же возраст. Те же седые волосы, хотя в восемьдесят седьмом Виктору было всего тринадцать. Та же рабочая куртка. А рядом с ним стоял мужчина чуть моложе пятидесяти. В тёмном пальто. С короткими волосами. Андрей почувствовал, как холодеют пальцы. Мужчина на фотографии был похож на него самого. Изображение открылось по ссылке в общей папке; Корнев не сразу вспомнил, что это не утренняя сохранённая копия.

— Андрей Викторович? — спросил Руднев.

Корнев не ответил. Он смотрел на фотографию, сделанную, судя по всему, почти сорок лет назад. И не мог понять, почему у человека в тёмном пальто на левой руке были его часы. Те самые. Которые жена подарила ему на сорокалетие.

Глава 4
Чужая подпись

4 ноября

К вечеру архив закрыли для посетителей. Соколова осталась у стола, хотя ей разрешили уйти. В окне отражалась длинная лампа, и казалось, что над двором висит вторая такая же полка с папками.

— Я не смогу подтвердить, что на снимке раньше была дверь, — сказала она. — Вы быстро листали. Я смотрела на календарь.

Андрей благодарно кивнул. Ему очень хотелось услышать обратное, и именно поэтому ответ Веры Александровны был важен. Руднев попросил показать, каким способом открывалась фотография. Выяснилось, что телефон не хранил весь архив: ссылка вела в общую папку, и предварительное изображение могло обновиться. Сохранённая утром копия оставалась на отдельном носителе в кабинете.

— Значит, есть с чем сравнить, — сказал следователь.

— Вы мне не верите?

— Я верю, что вы испугались. Картинку проверим отдельно.

Андрей хотел возразить, но увидел на экране чужое лицо со своими чертами. Страх возник раньше мысли. Он уже успел почувствовать себя человеком с фотографии, хотя не мог назвать ни одного основания для этого.

Соколова принесла лупу. Руднев отказался:

— От увеличения пикселей новых сведений не появится.

Тогда Корнев показал на запястье человека у края снимка.

* * *

— Это не мои часы, — сказал Андрей.

Руднев посмотрел на фотографию.

— Вы уверены?

— В том, что они похожи? Да. В том, что это мои часы? Нет. Модель выпускалась серийно.

— А человек?

Корнев увеличил изображение. Сходство было неприятным. Линия подбородка, форма носа, посадка головы. Но лицо на снимке оказалось слишком размытым.

— Похож на меня.

— И вы считаете, что фотография сделана в восемьдесят седьмом?

— Я считаю, что кто-то очень хочет, чтобы мы так думали.

Руднев протянул руку.

— Мне нужен исходный файл. Не фотография на экране телефона.

— Исходник в корпоративном архиве.

— Значит, получим его официально.

Следователь встал.

— И ещё. С сегодняшнего дня никаких самостоятельных поездок на семнадцатый объект.

— Я не ребёнок, Павел.

— Поэтому и предупреждаю один раз.

Когда Руднев ушёл, Андрей вернулся к своему компьютеру. В системе электронного документооборота появилось уведомление. Акт обследования объекта № 17. Подписант: Корнев А. В. Дата подписания: 04.11.2026, 11:48. Андрей открыл документ. В акте утверждалось, что он лично обследовал объект, проверил отсутствие электроснабжения и не выявил нару-

шений. Подпись была действительной. Точнее, система считала её действительной. Андрей вспомнил: в 11:48 он находился у Веры Соколовой. Они вместе изучали папку 1987 года.

Он немедленно заблокировал сертификат и сообщил о возможной компрометации ключа. Потом распечатал акт.

Внизу, под таблицей результатов проверки, стояла фраза:

«Помещение № 8 осмотрено. Посторонних лиц не обнаружено».

Андрей перечитал её трижды. На современном плане эта комната обозначалась как часть трансформаторной камеры. В старом поэтажном плане номер восемь относился к помещению на втором этаже. Нумерация не совпадала, и составитель акта об этом не упомянул. Кто-то допустил ошибку. Или намеренно оставил ему сообщение.

* * *

В службе поддержки ещё оставался дежурный. Его звали Руслан; Корнев раньше видел его только с коробками клавиатур. Сейчас Руслан сидел перед двумя мониторами и осторожно выслушивал человека, чья подпись появилась под чужим актом.

— Вы документ уже закрывали?

— Да. Потом открыл снова.

— Через уведомление или через карточку?

Андрей не помнил. Это раздражало сильнее самого вопроса. Он привык считать, что замечает последовательность действий, особенно когда происходит что-то важное. Но сохранил в памяти текст о восьмой комнате, а собственных движений не сохранил.

Руслан придвинул свободный стул.

— Пока ничего не нажимайте. Покажите пальцем.

На экране были две почти одинаковые кнопки. Одна открывала вложение, другая — его предварительное изображение. Корнев ткнул в первую, потом убрал руку.

— Не уверен.

— Так и запишем.

Андрей восстановил последовательность своих действий. Руслан сохранил доступные сведения и позвонил руководителю смены. На слове «подпись» собеседник заговорил громче; дежурный отнял телефон от уха.

— Нет, я не утверждаю, что ключ украли. Я говорю, что пользователь оспаривает документ.

Пользователь. В другой день Андрей обиделся бы на это обезличивание. Сейчас оно было полезнее сочувствия. Руслан не знал ни Виктора, ни лаборатории и потому пока видел только несоответствие, которое следовало сохранить.

В журнале обращений нужно было указать желаемое действие. Андрей написал: «Удалить ложный акт». Дежурный молча повернул к нему лист.

— Если удалить, потом чем будете показывать, что он был?

Корнев зачеркнул строку. Написал: «Ограничить дальнейшее использование. Сохранить все версии».

Он вдруг вспомнил, как сам однажды предложил уничтожить дубль протокола: лишняя бумага, путаница при подшивке. Тогда секретарь спросила, который из двух экземпляров считать лишним. Он ответил слишком быстро. Воспоминание не имело отношения к сегодняшнему акту, но от него стало жарко в душном помещении.

Когда обращение зарегистрировали, Руслан поднял глаза.

— У вас дома есть доступ к системе?

— Через рабочий ноутбук.

— Тогда пока пользуйтесь им только по согласованной проверке. Никаких самостоятельных опытов с этим актом. Иначе ваши действия смешаются с чужими.

Андрей кивнул. Молодой человек говорил то, что он сам должен был понимать.

В коридоре его ждал Громов. Без пальто, с пластиковым стаканчиком воды. Он словно случайно вышел из соседнего кабинета, хотя свет там был выключен.

— Слышал, у тебя неприятность.

— У Виктора неприятность. У меня документ.

— Одно с другим может оказаться связано. Служебная проверка всё равно будет. Тебе лучше написать объяснение первым.

Громов протянул лист. Уже напечатанный. Андрей прочёл два абзаца: сотрудник допустил возможность доступа к рабочему месту, не исключает ошибочного подписания, готов содействовать.

— Я не допускаю ошибочного подписания этого акта.

— Это нейтральная формулировка.

— Для кого?

Громов опустил руку. Не обиделся, не повысил голоса.

— Ты устал. Завтра сам напишешь. Я хотел облегчить тебе жизнь.

— Пришли запрос официально.

Они несколько секунд смотрели друг на друга. Корневу захотелось извиниться за тон. Он представил, как берёт бумагу из вежливости, несёт домой, оставляет на кухне. Уже сам факт получения начнёт делать чужую версию привычной.

— Хорошо, — сказал Громов. — Официально.

На лестнице Андрей позвонил Рудневу и сообщил о разговоре. Следователь спросил, сохранился ли предложенный текст. Не сохранился. Корнев отказался от листа и не сфотографировал его.

— Запишите сейчас по памяти. Отметьте, что не дословно.

Андрей сел на подоконник между этажами. За окном белел припаркованный автомобиль. Человек внутри курил, и кончик сигареты то исчезал, то вспыхивал. Корнев поймал себя на том, что пытается рассмотреть лицо, хотя машина стояла там ещё утром и могла не иметь к нему никакого отношения. Он отвернулся к стене и начал записывать разговор.

* * *

Домой Андрей вернулся без хлеба. Ольга уже закрыла ноутбук и собиралась ложиться, но, увидев его, снова включила свет на кухне. Он рассказал об исчезновении Виктора, опустив фотографию. Потом понял, что выбирает за неё, чего ей следует бояться, и показал снимок.

Она не узнала его сразу.

— Похож. Но тут половины лица нет.

— Часы мои.

— Такие же часы. Я их не у часовщика заказывала.

Ему стало неловко: весь день он говорил другим примерно то же самое и не сумел сказать себе достаточно убедительно. Ольга увеличила изображение, посмотрела на браслет и вернула телефон.

— Ты думаешь, я сейчас должна рассказать, что всегда подозревала в тебе двойника?

Он неожиданно рассмеялся. Смех был коротким, почти болезненным.

— Не знаю, чего я жду.

— Тогда поешь.

Они сидели за столом, и Андрей рассказывал о Викторе: как тот однажды полчаса искал неисправность, прежде чем обнаружил, что молодой специалист измеряет не ту цепь; как не выбрасывал кружку без ручки; как сердился на слово «приблизительно». Эти истории Ольга слышала. Она не останавливала его.

Перед сном Андрей положил часы на тумбочку. Ночью проснулся и увидел на циферблате 03:17. Секундная стрелка не двигалась. Он нажал подсветку — темно. Обычная разряженная батарейка, скорее всего. Телефон показывал 03:42.

Утром он убрал часы в ящик и надел старые. Ольга спросила, не сломались ли. Андрей ответил, что просто захотелось сменить.

Глава 5
За ограждением

5 ноября

У ворот Андрей впервые встретил сторожа Бориса Фомича живым. Тот стоял возле будки, застёгивая на весу молнию старого пуховика. Зубцы расходились, и мужчина придерживал куртку ладонью.

— Сверху застёгивайте, — посоветовал водитель.

— Сверху у меня всё давно застёгнуто. Внизу беда.

Водитель засмеялся. Борис Фомич тоже, будто был рад простому разговору. Он открыл журнал посещений и попросил расписаться каждого, включая Руднева. Представитель собственника попробовал поторопить его, но сторож не уступил.

— Вчера говорили, чтобы никого. Сегодня — пускай. У вас слова меняются, а у меня журнал один.

Андрей заметил новую пластиковую камеру над будкой. Объектив смотрел на въезд, но кабель лежал свободной петлёй и исчезал в дыре под козырьком.

— Работает?

— На телефоне иногда видно. Когда интернет есть.

— А ночью кто-нибудь бывает?

Борис Фомич посмотрел на представителя владельца.

— Я по машинам пишу. Люди пешком через завод ходят, там проходная другая.

У сторожа было воспалённое веко. Он всё время щурился на снег. Андрей подумал, что позднее надо будет поговорить с ним без начальства: не потому, что человек лгал, а потому, что при начальстве он выбирал только безопасную часть правды. Перед осмотром Борис Фомич попросил уточнить, можно ли ему заходить на второй этаж.

— В опечатанные помещения нельзя, — ответил Руднев. — Если увидите посторонних, вызывайте полицию. Самостоятельно никого не задерживайте.

— Я ещё и бегать за ними должен? — сказал сторож.

Он снова улыбнулся. Позже Андрей много раз вспоминал эту улыбку и собственную уверенность, что они ещё поговорят.

* * *

Пятого ноября территория бывшей лаборатории встретила оперативную группу мокрым снегом. Проверка проводилась уже не по инициативе Андрея. После сообщения о возможном похищении Руднев организовал осмотр с участием сотрудников полиции, представителей владельца территории и специалистов энергокомпании. Корнев приехал как технический специалист.

Двухэтажное кирпичное здание стояло за покосившимся бетонным забором. Окна первого этажа были закрыты металлическими листами. Над центральным входом сохранился след от снятой вывески.

— Ничего особенного, — заметил Руднев.

— В этом и проблема, — ответил Андрей.

Они прошли к бывшей трансформаторной камере. Там действительно не было трансформаторов. Старые силовые кабели заканчивались в демонтированных конструкциях. Но на полу обнаружились свежие следы перемещения тяжёлого оборудования. В дальнем углу Корнев увидел металлическую дверь. Восьмую. На фотографии она казалась обычной. В действительности была значительно массивнее.

— Открываем? — спросил Руднев.

Представитель владельца нервно перелистал документы.

— У нас нет ключей от этого помещения.

— Почему?

— Оно не эксплуатируется.

— Тогда кто поставил новый замок?

Ответа не последовало. Руднев вызвал специалиста. За дверью оказалось небольшое помещение без окон. Пустые металлические стеллажи, остатки кабельных трасс и отверстие в полу, закрытое решёткой. Никаких людей. Никакого оборудования. Андрей посветил фонарём вниз. Под решёткой проходил кабель. Современный. С чёрной полимерной оболочкой, без следов длительной эксплуатации.

— Павел, — сказал он. — Вот это уже интересно.

* * *

В машине Руднев попросил Корнева нарисовать расположение увиденного. Не по памяти вместо протокола — для себя, чтобы объяснить, куда мог уходить кабель. Андрей обозначил наружную стену и замер.

— Что?

— На фотографии демонтажа дверь ближе к углу.

Они сравнили снимок с сегодняшним изображением. Разницу мог дать ракурс. Впервые Корнев почувствовал, как трудно отделить действительную геометрию от желания найти тайное помещение.

— Проверим размеры по проекту, — сказал он.

— Сейчас?

— После получения полного комплекта. Этого недостаточно.

Следователь отметил запрос. Необычное превращалось в работу, которую нельзя было закончить одним озарением.

К ним подошёл Борис Фомич. Принёс ржавый ключ на верёвочке.

— Этот от бокового входа. Мой. Если запечатывать будете, не забудьте.

Руднев записал сведения о входе. Сторож объяснил, что ходит там, когда главный замок замерзает. Андрей спросил, кто ещё пользуется дверью. Борис Фомич покачал головой:

— Я не всё вижу. Вы только потом не пишите, что охрана не заметила. Нас здесь один на всё.

Он сказал это без жалобы. Корнев посмотрел на длинный забор, уходивший за корпуса, и понял, что территория существует в документах одним объектом, а для человека с фонарём распадается на десятки тёмных мест.

Когда они уехали, в зеркале ещё долго виднелась маленькая фигура возле будки. Сторож пытался привязать верёвочку с ключом к гвоздю, не снимая перчаток.

* * *

В тот же день в соседнем корпусе остановилась печатная машина. Оператор открыл защитный кожух, увидел зажатый лист и выругался. Бумагу уже испортили, заказ обещали к вечеру, а свет за последнее время мигал столько раз, что никто больше не искал виноватого.

Хозяин мастерской вышел на улицу за курткой и увидел Андрея возле машины следственной группы.

— Вы по электричеству? Тогда ко мне.

Корнев объяснил, что сегодня занят другим осмотром.

— У всех другое. У меня тоже не первое дело — стоять с вами на морозе.

Мужчина оказался Владимиром Кротовым. Он арендовал три помещения и платил за электричество управляющей компании. На его руках чернела типографская краска; большим пальцем он размазывал её по металлической пряжке ремня. Сначала Андрей решил, что перед ним ещё один человек с жалобой, которую сейчас невозможно решить. Потом услышал слово «ночью».

— У нас ночью никто не работает. А расход бывает больше дневного. Мне говорят: обогреватели. Какие обогреватели, если я их сам из розеток вынимаю?

Андрей попросил показать счета. Кротов достал телефон, но вместо документов открыл фотографии. На первой была собака возле батареи, на второй — покосившийся рекламный щит. Он сердился на собственные пальцы и всё время попадал не туда.

— Дочь сохраняет. Даша! — крикнул он в дверь.

Из мастерской вышла девушка в фартуке, заляпанном краской. Посмотрела на отца, потом на людей возле лаборатории.

— Он опять про счётчик?

— Не опять, а наконец человек пришёл.

Даша не стала спорить. Попросила адрес, на который можно отправить платёжные документы. Андрей дал служебный, затем вспомнил о проверке доступа и назвал также контакт сотрудника группы. Объяснил, что нужен исходный счёт, а не фотография суммы на экране.

— Значит, вы всё-таки будете смотреть? — спросил Кротов.

— Передам сведения. Обещать результат сейчас не могу.

— Результат у меня каждый месяц. Минус сорок тысяч, иногда больше.

За его спиной остановилась тележка с рулонами бумаги. Рабочий ждал, пока освободят проход. Даша отодвинула отца за локоть — привычно, без раздражения. Корнев заметил, что на стене мастерской висит объявление о продаже оборудования. Владелец проследил его взгляд.

— Одну машину отдаём. Не из-за вас.

Он сказал это так, словно Андрей уже собирался оправдываться.

В помещении пахло нагретым пластиком и влажной бумагой. Возле окна лежала стопка афиш о концерте, назначенном на конец недели. На нижних листах краска размазалась. Даша подняла один, поднесла к свету и положила обратно. Брак нельзя было исправить никакой последующей проверкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.